

ДИСКУССИИ

Круглый стол ВЦИОМ "Опросы на выходе с избирательных участков" Материалы круглого стола

ВЦИОМ совместно с ЦЕССИ-Казахстан, R&b Group (Украина) и Лабораторией "НОВАК" (Белоруссия) при информационной поддержке газеты "Известия", деловой газеты "Взгляд" и радиостанции "Русская служба новостей" провел 6 апреля 2007 г. международную научно-практическую конференцию "Экзитпол: 14 лет в России и СНГ". Предлагаем вниманию читателей выступления некоторых участников (в сокращении)¹.

В.В. Федоров (ВЦИОМ)

К проблематике экзитполов мы хотели бы привлечь внимание не только профессиональных социологов-исследователей, но и широкой общественности прежде всего потому, что в странах с молодой и не вполне еще устоявшейся демократией, к которым относятся и Россия, и многие страны СНГ, существует недоверие к большинству институтов государственной власти. Не являются исключением и институты, обеспечивающие ход избирательной кампании, подсчет результатов голосования. Все мы помним обсуждение итогов последних региональных выборов и жалобы, поданные в Центризбирком. Крылатое выражение Иосифа Виссарионовича "главное — не как голосуют, а как считают" остается не просто цитатой из мрачного периода нашей истории, а грустной реальностью. Социологам есть что сказать на эту тему, есть что предложить.

Наиболее эффективный инструмент, показавший свою технологичность, свою применимость и зачастую имевший и политическое значение (напомню прежде всего о событиях 2004 г. на Украине), — это, конечно, экзитпол. Интересно, что в регионах, где на выборах 11 марта развернулась наиболее жесткая борьба (Санкт-Петербург, Ставропольский край), наблюдались несущественные отклонения официально объявленных результатов выборов от результатов опросов на выходе, которые проводил ВЦИОМ. Меньше всего отклонение было в Санкт-Петербурге. Дело в том, что именно здесь мы начали готовиться к экзитполлу заблаговременно (у нас было больше трех недель) и смогли привлечь финансирование

¹ Правильное написание по-русски термина "exit poll" — **экзитпол** (в одно слово, через "о" и с одним "л"). Приносим благодарность за консультацию сотрудникам Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук кандидату филологических наук, заведующей справочной службой русского языка института Грунченко Оксане Михайловне и доктору филологических наук, заведующему отделом современного русского языка, автору Толкового словаря иноязычных слов Крысину Леониду Петровичу.

в таком объеме, чтобы обеспечить опрос на двухстах точках. В итоге максимальное отклонение результатов экзитполов от результатов официальных выборов составило лишь 0,93%. В Ставрополье оно оказалось чуть выше, но и там иерархия партий-участниц и полученных ими голосов была уловлена абсолютно верно. Еще в середине дня стало понятно, что "Единая Россия" не получает первого места. Между тем сегодня активно муссируется мысль, что административный ресурс усиливается и все наши выборные институты "заточены" под обслуживание этого административного ресурса и противостоять ему не могут. Однако экзитпол, который мы провели 11 марта, убедительно показал, что это совсем не так — по крайней мере, в значительной части субъектов Российской Федерации.

К сожалению, не во всех. В ряде субъектов мы не смогли организовать адекватное проведение экзитпола, и именно те регионы, где он не проводился (Дагестан, Московская область и др.), стали полем наиболее ожесточенных схваток по поводу честности подсчета голосов.

Кроме того, экзитпол — довольно дорогостоящая процедура, и не все стремятся потратиться на демократию.

На выборах 11 марта "Единую Россию" обвиняли в использовании административного ресурса. Но ни в одном из десяти регионов эта партия по официальным итогам выборов не получила больше голосов, чем по результатам нашего опроса на выходе.

Таким образом, существуют методы, обеспечивающие прозрачность проведения выборов и честность подсчета их результатов. Конечно, социологи не боги, и делать ставку только на экзитпол нельзя. В совсем недавней истории зафиксированы случаи, когда экзитполы проваливались. В частности, на последних выборах президента США экзитпол показал победу Керри, а не Буша. Такие случаи бывают, но это не повод отказываться от проведения данной процедуры. Нужно просто более глубоко и детально изучать все необходимые материалы и лучше готовиться к проведению опросов на выходе.

В.Г. Андреенков

(Институт сравнительных социальных исследований — ЦЕССИ)

В начале 1993 г. перед первым в нашей стране референдумом (он состоялся в апреле) к нам обратились западные медийные компании (CNN, CBC), которые решили в условиях нарождающейся в нашей стране демократии провести экзитпол. Уоррен Митофски которого я знал многие годы, предложил сделать это исследование совместно. Мы взялись за совершенно новое в то время исследование. Мне как методологу было очень интересно посмотреть, как это делается.

Итак, в апреле 1993 г. впервые в России были проведены экзитполы. С тех пор исследовательская группа ЦЕССИ-Митофски стала проводить все экзитполы на всех последующих выборах в России — и в декабре 1993 на парламентских выборах, и в ходе выборов Президента России — Б. Ельцина, а затем В. Путина. Мы начали работать в рамках школы Митофски, даже участвовали в американских выборах в составе его группы, организованной под эгидой WAPOR (Всемирная организация исследований общественного мнения). Она регулярно собиралась и обсуждала методики разных стран. На одном из последних заседаний в начале 1996 г. было решено сделать сводный каталог всех проведенных в разных странах экзитполов. Сбор информации по бывшим союзным республикам оказался делом более сложным, чем представлялось, многие из руководителей исследований просто не знали (или забыли) важные методические детали. Все, что удалось собрать,

предполагалось повесить на сайт международной рабочей группы, однако в сентябре 2006 г. Митофски умер. Это ключевая фигура среди специалистов по экзитполам, именно он в 1963 г. разработал и применил современную методику. Надеюсь, мы завершим начатую работу. Кстати, реакция западных СМИ на первый экзитпол в России была совершенно нормальной, а вот российских — довольно прохладной, на нас смотрели как на фокусников. Ситуация изменилась уже к следующим выборам в конце 1993 г. Конкурирующие стороны, участвовавшие в выборах, быстро сообразили, в чем польза от экзитполов.

На мой взгляд, первая и, может быть, главная функция экзитполов — получение оперативной информации. В первую очередь это нужно СМИ, которые оповещают население о результатах выборов со значительным упреждением по сравнению с публикацией официальных данных. А в Америке это наполовину развлекательные шоу, когда уже празднуется победа, проводятся разные мероприятия.

Кроме того, результаты экзитполов используют в день выборов для обсуждения аналитиками. Речь идет о социально-демографических характеристиках избирателей, позволяющих проанализировать, почему, например, женщины или молодежь голосуют за того или другого кандидата и т.д. В наших СМИ подобная информация пока не обсуждается, но я думаю, что ситуация будет постепенно меняться, и последующие экзитполы будут сопровождаться анализом социально-демографического профиля голосовавших. Предвыборные и послевыборные опросы страдают массой различных смещений и дают приблизительные характеристики голосующих. А соответствующая информация, полученная в ходе экзитпола, дает реальный социальный срез тех, кто пришел на избирательные участки. Таким образом, вторая значимая функция экзитпола — познавательная.

Следующая важная функция экзитпола — общественный контроль. Она имеет большое значение лишь в развивающихся демократиях. По моему глубокому убеждению, экзитпол не может предсказывать явку, он может предсказывать с определенной вероятностью распределение набранных голосов. Экзитпол, как и любому методу, основанному на статистических принципах, свойственны ошибки. Наша задача как профессионалов — уменьшить ошибки предсказания, но они есть и будут. Тем не менее и в России, и в других странах постсоветского пространства функция общественного контроля оказывает ощутимое психологическое давление на власть, на политических игроков. Я уверен, что в тех случаях, когда проводился экзитпол, они осторожнее подходили к тому, чтобы фальсифицировать результаты. В то же время результаты экзитпола вряд ли могут служить доказательством фальсификации.

Что касается проблем, возникающих в ходе проведения экзитполов, то коммуникационные проблемы сейчас, когда есть сотовые телефоны, стоят не так остро, как раньше. Все стало гораздо проще, хотя и дороже.

А вот противодействие центральных и местных властей, их стремление контролировать результаты по-прежнему существует. Причем это проблема не только для России, Азербайджана или Украины, но и для тех же Соединенных Штатов.

Следующая проблема — доступ к электоральным данным. Применяются две модели экзитпола — экзитпол, основанный на математических моделях, и опрос на выходе со взвешиванием данных. Это приводит к принципиально разным подходам к построению выборки. Взвешивание данных, которое в России делает большинство центров, диктует необходимость отбора в выборку большого количества участков. Все наши национальные экзитполы базировались на 120 участках. Значительно снизить объем выборки удавалось благодаря тому, что использовался метод Митофски с включением данных предыдущих голосований в мате-

матическую модель. В России этих данных не было долгие годы, и только для последних двух выборов на национальных уровнях Центризбирком опубликовал результаты голосования по избирательным участкам. У нас также накапливаются эти данные, которые включаются в модель, с тем, чтобы получить более точные оценки вероятностей результатов.

Очень важная вещь — открытость данных. Здесь все классифицируется по весьма простому критерию: если заказчик — СМИ, то данные полностью открыты, все вывешивается на сайтах. Кстати, два последних наших экзитпола мы делали для Первого канала и НТВ. Если же экзитпол заказывают частные структуры, госорганы, партии, то данные, как правило, закрыты и доверие к ним небольшое. То, что экзитполы стали частью нашей политической жизни и их количество будет увеличиваться на национальном и региональном уровнях, понятно. Они проводятся уже чуть ли не на выборах мэров. С другой стороны, на мой взгляд, экзитполы в России постепенно исчезнут, потому что автоматизированная система ГАС "ВЫБОРЫ" при умном использовании их исключает.

Наконец, еще одна проблема — вынужденность применения смешанных методик. Как известно, часть людей голосует заранее (в Америке начинают голосовать еще по почте). Дабы поднять точность прогноза, нужно учитывать этот феномен, применять смешанные типы опросов.

ESOMAR опубликовал брошюру со стандартами проведения экзитпола. Можно соглашаться с ними, можно нет, но какие-то стандарты уже существуют. Они будут дорабатываться упомянутым мной комитетом WAPOR.

В.Н. Лысенко (Институт современной политики)

Экзитполы — важный демократический механизм. Многие годы он используется на Западе, а в последнее время и в России. Но, как показали, в частности, события в Украине, где экзитполы сыграли решающую роль в раскрытии фальсификации выборов "партией власти", этот институт работоспособен только при демократическом правлении.

На президентских выборах в Белоруссии А. Лукашенко, узнав что большинство экзитполов зафиксировали фальсификации, заявил, что больше западные экзитполы проводиться не будут. Подсчитывать результаты выборов будут только белорусские, лицензированные руководством страны, экзитполы.

Представляется, что мы тоже движемся в белорусском направлении. Иностранных наблюдателей за ходом голосования из Европы и США допускать нельзя, российских наблюдателей от общественных организаций — тоже нельзя. Страх властей перед оранжевой революцией в России становится маниакальным. И поэтому, когда говорят, что итоги выборов у "Единой России" почти совпадают с экзитполами, сразу возникает подозрение, что экзитполы тоже уже включены в "вертикаль власти".

Экзитполы могут играть важную политическую роль, как это было на Украине, а могут быть чистыми статистами, которые, условно говоря, подтверждают то, что происходит в действительности. Поэтому, на мой взгляд, ситуация носит скорее политический, чем технический характер.

М.А. Дианов (Институт региональных проблем)

Прежде всего замечу, что Лукашенко взял пример с США, где кроме лицензированных американских фирм тоже никто не имеет права проводить экзитпол.

Теперь по существу. Экзитполы, безусловно, нужны, они действительно очень сильно влияют на процесс выборов и избирательных компаний, более того, на развитие демократии. Но, естественно, проблем здесь еще немало.

Судя по данным экзитполов, проведенных 11 марта, они в большинстве случаев превышали на 5–7 и даже 9% данные Центризбиркома. Это может свидетельствовать о стеснительности людей, которые согласились отвечать на вопрос. Мы, например, знаем, что результаты экзитполов по В. Жириновскому всегда были ниже, чем он в итоге получал. Для партии власти — ситуация обратная. Она всегда получает много голосов на выходе. Как правило, люди завышают результат потенциального победителя и, соответственно, занижают результат остальных. Можно посмотреть "хвостовые" партии, там как раз самые большие расхождения. От них всегда отнимают в пользу более опытных.

В половине регионов 20–25% отказывались отвечать на вопросы интервьюера. Это очень большая цифра, и здесь тоже есть некий резерв в повышении демократии. На самом деле это лакмусовая бумажка. Чем больше — это не обязательно линейная зависимость, но — чем больше людей отказываются, тем сомнительнее результаты выборов. Роль экзитполов в легитимности выборов, легитимности власти очень велика. И именно партия власти заинтересована в максимальной прозрачности, честности результатов выборов.

Реплика из зала: В некоторых странах считается, что то, какую зарплату человек получает и за кого он голосует — вопросы интимные. Проводить прямую корреляцию между тем, за кого респондент, по его словам, голосовал, и наличием демократии — не вполне корректно. Есть люди, которые не хотят сообщать, за кого голосуют, полагая, что это их личное дело.

Дианов М.: Вопрос спорный, но я сказал, что это не линейная зависимость. К тому же там никто фамилий не спрашивает. В любом случае, это не так просто.

Б.И. Макаренко (независимый фонд "Центр политических технологий")

Избирательная кампания — это всегда одновременно соревнование идей и "лошадиные бега" политиков. У нас экзитполы свелись к последнему: они отслеживают, какая лошадь бежит на полголовы быстрее. Между тем экзитпол может служить и инструментом выявления политических настроений общества, хотя мы его в таком качестве использовать не научились. Давайте учиться.

Наш центр тоже проводит экзитполы. Из них только один очень удачный и серьезный во время выборов в Мосгордуму 2005 г. 500 участков, более 16 000 респондентов. Этот экзитпол интересен своим уникальным результатом. Мы зафиксировали рейтинг партии "Родины", снятой с выборов. Впервые была отменена графа "против всех", и 2% избирателей проголосовали за "Родину". Фокус в том, что партию сняли с выборов после того, как бюллетени были отпечатаны. На бюллетенях она была, только вычеркнута.

Наряду с плюсами у экзитполов есть и минусы. Прежде всего это псевдоэкзитпольщики, имитирующие опросы в конъюнктурных политических интересах и мешающиеся под ногами у нормальных социологов, а потом выдающие желаемые результаты за действительные. Например, движение "Наши" пыталось проводить экзитпол в Москве в декабре 2005 г. Здесь говорилось про украинский опыт, когда якобы на основе результатов экзитпола были пересмотрены результаты выборов. Позволю с этим не согласиться. На Украине во всех кампаниях сначала идет война опросов, потом — война экзитполов. На основании экзитполов даже некоторые главы государств поздравляют победителей. Отмена резуль-

татов второго тура президентских выборов в 2004 г. — это не воздействие экзитпола, для такой отмены была масса других оснований, а вот продемонстрированная в той избирательной кампании война экзитполов между конкурирующими сторонами и злоупотребление социологической наукой во имя политической конъюнктуры — очень серьезная опасность.

Еще один минус — ограничения экзитполов как методики. Экзитполы непригодны там, где победу определяют десятые доли процента. Когда в трех областях у одной и той же партии результат — 6,97–6,98–6,99%, экзитполы бессильны, потому что не дают такой точности результата. Далее. Действительно, экзитпол — инструмент контроля, некое предупреждение избирательным комиссиям. Но это не аргумент для суда. В суд со своим экзитполом не придешь, юридической силы он не имеет.

М.Ю. Урнов (Фонд аналитических программ "Экспертиза")

Вопрос об инструментах повышения доверия в России к чему бы то ни было стоит очень остро. Россияне все менее и менее доверяют выборам, и не только им. Большинство, похоже, не доверяет ничему — ни социальным институтам, ни совместным действиям, ни друг другу. Недавно опубликованный международный барометр доверия позволяет взглянуть на Россию в системе мировых координат. В этой системе мы выглядим далеко не лучшим образом, как, впрочем, и во многих других международных сопоставлениях.

Экзитпол, с моей точки зрения, достаточно мощный инструмент повышения доверия, но надо понимать, что он не единственный, и вырванный из системы, конечно же, работать не будет. Что надо сделать?

Безусловно, нужно устраивать долгосрочные социологические измерения, плавно переходящие в экзитполы. В столь же спокойном режиме имеет смысл мониторить и сопоставлять результаты предвыборных опросов разных социологических центров. В 2003 г. я попробовал это сделать, и картина получилась любопытная: чем ближе мы подходили к выборам, тем больший разброс наблюдался между данными, публикуемыми самыми нашими почтенными социологическими центрами. Я имею в виду и ВЦИОМ, и Леваду, и ФОМ, и Башкирову. Причем разброс усиливался не только в отношении малых партий (там высока вероятность статистических ошибок), но и в отношении партий крупных. Чем это объяснить — право, не знаю. Может быть, "прыгала" выборка, может быть, халтурили интервьюеры, может быть, что-то еще (злокозненности подозревать не хочу). Но в том, что сопоставления эти необходимы и они могли бы дисциплинировать социологические центры, а соответственно, и повысить к ним доверие, я совершенно убежден.

Крайне опасна ситуация, при которой разного рода темные организации начинают проводить свои экзитполы, пятная тем самым честь мундира достойных социологов. Но мне кажется, что эта опасность на порядок меньше, чем монополизация экзитполов официальными организациями. Если такая монополизация произойдет, повторится то, что уже было: Глеб Павловский публикует результат своего экзитпола, после чего избирательные комиссии начинают тщательно подстраиваться под опубликованные данные.

Можно ли устранить влияние административного ресурса? Глубоко убежден, что сегодня нельзя. Его нельзя было преодолеть уже в 2003 г. Помню замечательную цифру, которая почему-то не получила тогда отклика в прессе. На одном из заседаний Центризбиркома всплыли данные о том, что в Московской и, по-мо-

ему, в Калужской областях количество бюллетеней в урнах оказалось на 4–5% выше, чем количество зарегистрированных избирателей. Губернатор Московской области объяснял это массовым приездом дачников с открепительными удостоверениями. До суда дело, понятно, не дошло...

Как бы то ни было, экзитполы необходимо проводить, причем чем большее количество организаций будет это делать, чем больше иностранных структур будут проводить экзитполы, тем лучше. По той причине, что американская демократия при всех ее недостатках — все-таки демократия, а наша демократия — при всех ее положительных свойствах — все-таки суверенная демократия, от демократии простой отличающаяся примерно так же, как государь отличается от милостивого государя.

Что еще необходимо в наших условиях, когда пресса контролируется задолго до выборов, когда к эфиру не допускаются оппоненты власти и прочее? Крайне важны иностранные наблюдатели. Меня очень настораживает заявление одного из новых членов Центризбиркома о том, что нам иностранные наблюдатели — не указ и лучше бы их присутствие ограничить. По существу, сейчас публикация независимых экзитполов и наличие иностранных наблюдателей — два важнейших фактора, способных хоть как-то обуздать административный ресурс, масштабы использования которого, похоже, выходят за рамки пристойности.

А как преодолеть общее недоверие к выборам — не только со стороны населения, но и со стороны власти? Ведь если бы власти выборам доверяли, то, наверное, не принимали бы полубредовые поправки к избирательному законодательству, в которых, по-моему, не хватает только одной: поправки, отменяющей обязательность выборов. Как это сделать, я, честно сказать, не знаю и думаю, что в ближайшие лет 15–20 это просто невозможно. Потому что, с моей точки зрения, речь идет об изменении ценностного взгляда на выборы, о генерационном процессе, который при благоприятном стечении обстоятельств, т.е. при плавном переходе от суверенной демократии к демократии нормальной, займет не менее 15–20 лет. Но политический строй и общественное настроение — это среда, в которой мы живем. И какой бы ярко выраженной кислотной (или щелочной) такая среда ни была, нужно прилагать усилия для того, чтобы уровень концентрации кислоты (или щелочи — кому как нравится) снижался. В рамках подобных усилий экзитполы — вещь абсолютно необходимая.

М.Ю. Виноградов (Центр политической конъюнктуры)

Попробую дать несколько рекомендаций по повышению доверия к экзитполам у населения и у потенциальных спонсоров.

Во-первых, стоило бы публично предложить провести экзитпол и посмотреть, кто готов его финансировать. Во-вторых, хорошо бы представить итоги экзитполов 11 марта на сайте. В-третьих, необходимо побудить новое руководство Центризбиркома вести разъяснительную работу относительно экзитполов среди избирателей, а также среди сотрудников МВД. В-четвертых, полезно было бы использовать ресурс Общественной палаты. Было бы неплохо, если бы она послала на выборы в регионы хотя бы по одному своему представителю, который собирал бы звонки на горячем телефоне о проблемах экзитполов с органами МВД. В-пятых, ВЦИОМ мог бы провести опрос избирателей, в том числе качественный, кому они доверяют и кому не доверяют. Надо выяснить, на кого люди нормально реагируют на экзитполах, почему не отказываются (или, наоборот, отказываются) отвечать. У нас есть задача, чтобы избиратели не отказывались. У нас

есть статистика отказов, частично обусловленная протестным настроением граждан, как это было в Петербурге. Такие ситуации можно преодолеть. В-шестых, стоит обобщить практики избирательных кампаний на селе и посмотреть, какие там проблемы и как коммуницировать сельских избирателей, в том числе к экзитполам, поскольку все-таки они дошли и до села. Наконец, в-седьмых, важно не создавать представления о том, что какая-то компания пытается монополизировать этот рынок. Я думаю, что в любом случае ВЦИОМу достанутся основные бюджеты экзитполов, но нельзя давать повод коллегам или конкурентам говорить о том, что этот рынок монополизирован под какие-то политические задачи. Угроза фальсификации экзитполов недобросовестными конкурентами гипотетически существует, но если будет понимание, что есть и нормальные экзитполы, проблема фальсификации снимется.

Урнов М.: Я бы добавил к сказанному, что считаю важным провести на телевидении социальную рекламу экзитполов, что это нужно. Причем не разовую, а регулярную.

В.К. Левашов (Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН))

Присоединяюсь к мнению, что экзитполы — это, несомненно, нужный и надежный инструмент. Думается, стоит адекватно подверстать под нашу российскую действительность структуру институтов и процедуры экзитпола, которые сложились в международной практике. Почему бы не создать какие-то организационные формы, которые наладили бы отношения с международными организациями и тем самым повысили доверие к экзитполу как действительно научному инструменту, призванному и способному контролировать избирательный процесс? На мой взгляд, у экзитпола есть функция социального управления. Он косвенно влияет на избирательный процесс, повышает уровень доверия электората к институтам и результатам выборов. Размышляя, может быть, даже фантазируя по этому поводу, я предлагаю создать некий фонд экзитпола. Кто его должен создать, как он должен наполняться, какой общественный контроль должен быть организован — это предмет серьезного разговора. Могут возникнуть спекуляции по поводу того, что этот фонд является какой-нибудь дочерней структурой Старой площади, Белого дома или Центризбиркома. Нельзя допустить ошибки. Важно сделать так, чтобы такой фонд служил интересам демократии. И еще одно замечание. Здесь говорилось, что экзитпол дорогое удовольствие. Если проводить его по правилам, — это супердорогое удовольствие. Но развивать этот институт необходимо.

В.Л. Жарихин (Институт стран СНГ)

В последнее время проблема фальсификации выборов стала одним из основных средств политической борьбы. И экзитполы действительно служат достаточно мощными ограничителями фальсификации при проведении избирательных кампаний. Но здесь необходимо соблюдать ряд условий. Во-первых, чтобы это оружие сработало, экзитполы должны проводиться не одной организацией. Во-вторых, нужно помнить, что это достаточно мощный ограничитель для неудачников. Во всех странах мира те, кто проигрывает выборы, говорят: мы не проигрвали, просто были массовые фальсификации. Экзитпол способен ограничить эту демагогию, он является достаточно серьезным инструментом, но при этом как любой инструмент может быть использован и во благо, и во вред.

Фальсификаторы постепенно переходят от фальсификации подсчета голосов к фальсификации политических партий. Можно совершенно точно посчитать голоса, но при этом подсунуть избирателям некие обманки, за которые они будут голосовать. И это не вылавливается ни мировым сообществом, ни тем более экзитполом. Выборы в Узбекистане, на которых я присутствовал, были абсолютно прозрачными по одной простой причине: пять созданных политических партий, состоящих из сторонников президента, выдвинули 500 кандидатов в парламент, где было 140 мест. Ясно, что президенту было все равно, кто из кандидатов войдет в парламент. И формальных оснований предъявить претензии не было никаких. Тут проблемы чисто политические, а не социологические.

А.В. Кынев (Фонд развития информационной политики ФРИП)

Данные часто не соответствуют действительности именно потому, что избиратели врут социологам, отвечая на вопросы. Коллеги, которые занимались опросами в малых городах, прекрасно знают, что здесь, как правило, возникают следующие ситуации: если интервьюер местный, то респондент отвечает в зависимости от того, кто его опрашивает (с которым он нередко лично знаком); если интервьюер приезжий, то избиратель часто закрывает перед ним двери, потому что он чужой. Кроме того, нередко ответ носит нормативный характер в зависимости от того, на кого, по мнению опрошенных, работает интервьюер. В таких населенных пунктах экзитпол не работает.

Очень часто проведению экзитпола противодействуют органы власти. Любой социолог воспринимается не только властью, но и наблюдателями от кандидатов и партий, членами комиссии настороженно, как некий потенциальный диверсант, который проводит незаконную агитацию, пытается склонить избирателя к тому или иному решению.

Наконец, хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Одно дело — маленькие европейские страны, а другое — гигантская Россия с ее 11 часовыми поясами. Пока у нас не проголосует Калининград, открытого доступа к данным экзитпола не будет. Естественно, те, кто получает данные с дальних регионов первыми, имеют некую фору. У нас две трети избирателей страны — европейская часть, после чего на этой территории можно использовать весь набор "корректирующих голосование" механизмов.

Чтобы экзитпол не превращался в оружие, которым пользуется только одна сторона в своих интересах, нужно добиться того, чтобы эти данные были доступны не только власти, но и, например, партиям, которые зарегистрировали федеральные списки. Если будет равенство в получении информации, то доверие к самой системе увеличится и не будет ощущения того, что она работает в пользу какого-то одного игрока. На мой взгляд, главная проблема — это выстраивание равных отношений со всеми участниками политического процесса.

Н.П. Попов (ВЦИОМ)

Я согласен с тем, что экзитполы становятся важным инструментом контроля за ходом избирательных кампаний и выборов, а также за подсчетом голосов. На ситуацию влияет уже то обстоятельство, что кто-то параллельно выборам проводит некий контрольный замер. Это как в магазине, когда даже сам факт наличия весов, где написано: "Контрольные весы", в какой-то степени дисциплинирует продавцов. В аналогичной ситуации находимся и мы.

В то же время я согласен и с Владимиром Андреенковым, который считает, что в случае идеального отлаживания системы автоматизированного подсчета голосов, каковой постепенно становится система ГАС "ВЫБОРЫ", дополнительные хитроумные системы окажутся излишними. Они все равно не превзойдут по точности современную технологию XXI века. Но пока эта технология только отлаживается, и потому экзитпол как инструмент параллельного подсчета голосов будет работать еще долго.

Перейду к проблемам, возникшим в ходе наших экзитполов. По-прежнему много вопросов относительно того, как должна строиться выборка, с которой, как всякое социологическое действие, начинается экзитпол. Поэтому первый очень важный момент — выборка избирательных участков на территории более крупной единицы — избирательного округа. Сколько всего брать избирательных участков? Казалось бы, вопрос уже должен быть отработан, но это вовсе не так. Скажем, в Америке на последних президентских выборах была огромная выборка: 150 000 человек, на 1500 избирательных участках, в среднем на один избирательный участок пришлось примерно по 100 человек. Много это или мало? И вообще, из чего нужно исходить? На наших последних экзитполах — их было 10: в 10 регионах — мы опросили 88 тысяч человек. В среднем на регион получилось по 8 тысяч. С точки зрения стандартного опроса — это огромная выборка. Масса информации. Но если учесть, что все очень подробно раскидано, то и 8 тысяч может оказаться недостаточно.

Следующая проблема — отбор респондентов на избирательном участке. Выдержать шаг отбора проголосовавших, который задается в инструкциях, сплошь и рядом бывает не просто: интервьюеров и отгоняют, и даже забирают в милицию...

Как определяется шаг отбора респондента? Можно было бы использовать простую случайную выборку — например, опрашивать каждого десятого, восьмого или пятого. Но это не работает, потому что люди голосуют волнами, а основная масса приходит в "золотые два часа". И если в этот период использовать тот же шаг, то главный контингент голосующих мы потеряем.

Еще одна извечная проблема — "отказники", т.е. люди, которые не хотят отвечать на вопрос за кого они голосовали. Количество отказников колеблется очень сильно. Считается, что приемлемая величина — 10–15%. Однако зачастую она достигает 25–30%. А в некоторых областях Украины отказы доходили до 48–50%. Это привело к тому, что, например, ФОМ прекратил там проведение экзитпола, чтобы не ставить свое имя под неким артефактом.

Здесь, ко всему прочему, работают два психологических эффекта. Один из них — то, что в американской социологии называется *bandwagon effect*, когда люди голосуют за ожидаемого победителя: партию или человека. Второй (может быть, он у нас работает сильнее, чем в Америке) американские социологи называют *underdog* — помощь "слабой собаке", на которую нападает сильная собака. Это естественная человеческая симпатия к слабому, в данном случае к партии, не имеющей особых ресурсов.

Кроме того, нередко из политкорректности люди не признают, что они проголосовали, условно говоря, за оппозицию, а скорее скажут, что отдали свой голос за официальную правящую или одобряемую президентом партию. Существуют и региональные особенности. В регионе, где заведомо побеждает или пользуется наибольшим весом какая-то партия, сообщать, что вы голосовали не за нее, а за другую, означает, что вы рискуете оказаться неким оппозиционером.

Это тоже очень сильно смещает результаты ответов. На Украине так все и происходило — на востоке по одному сценарию, на западе — по другому. Как говорили наши коллеги про Донбасс: "И побить могут, если узнают, что вы за Ющенко".

Уоррен Митофски скандальный случай с расхождением экзитпола с формальными данными в США объяснил таким образом: "сторонники демократов с большей готовностью участвовали в экзитполах, нежели сторонники республиканцев". Иными словами, республиканцы отказывались чаще, чем демократы, и это создало перекося в пользу последних при анализе данных экзитпола. Митофски назвал это главным фактором, который сместил выборку и результаты в первоначальном собранном материале.

Простого, быстрого и однозначного решения эта проблема не имеет. Возможно, в каждом регионе, в каждой стране выход должен быть свой. Как корректировать выборку и строить работу, исходя из этого фактора? Когда количество людей, не соглашающихся участвовать в опросе, доходит до одной трети, ошибки могут быть колоссальными.

Необходимо упомянуть и о тех, кто голосует по открепительным талонам или досрочно. Известно, что количество таких людей растет. В Америке это примерно 15%. Тоже очень большая величина. Поскольку голосуют досрочно и дома в основном больные или пожилые, вполне очевидно, что в их политических предпочтениях есть отклонения от среднего. Можно предположить, что основная масса пожилых людей и инвалидов, к которым приезжают домой с урнами, голосуют не так, как люди, приехавшие в середине дня с дачи. Поэтому 15% могут достаточно сильно сместить результаты. Митофски добавлял к экзитполлу обзвон "досрочников" по телефону. Но из-за нехватки времени по объему он был небольшой — 50 человек. Насколько это надежная проверка, трудно сказать.

Ключевая фигура в опросе — интервьюер. Об этом написаны тома, защищены диссертации: как подобрать интервьюера, как он должен выглядеть, как представляться, здороваться и т.д. Когда опрашиваются 1500 респондентов на страну, как в обычном опросе общественного мнения, нужно около 150 интервьюеров. Их можно натренировать на протяжении года-двух, и это будут ваши надежные кадры. Когда же возникает необходимость в колоссальной выборке, когда вам нужно опросить 80 тысяч или, как в Америке — 150 тысяч человек, да еще в сжатые сроки, требуется огромное количество интервьюеров. Их подготовка — весьма сложная, неординарная задача. В частности, относительно экзитпола 2004 г. в Америке Митофски считал, что ошибка была в недостаточно тщательной подготовке и подборе интервьюеров. В основном это были молодые ребята-студенты, вид которых скорее стимулировал к ответу сторонников демократов, нежели более консервативных республиканцев. Этот фактор сбил выборку. Кстати, коллега Митофски Катлин Франковик, которая долго вместе с ним заведовала опросными центрами, потом специально проводила исследования по влиянию интервьюера, его внешнего вида, пола, возраста и т.д. на качество сбора информации, на отказ или готовность принять участие в интервью.

Со сбором и передачей информации стало немного проще, потому что у большинства интервьюеров есть мобильные телефоны. Поэтому передать информацию в центр сейчас легче, чем раньше.

Наблюдается тенденция к увеличению объема информации, которую социологи хотят получить от респондентов во время экзитполов. Узнать не только о том, за кого голосовал опрашиваемый, но и о других его взглядах, о том, когда он решился голосовать, как голосовал на прошлых выборах, и т.д. С помощью такого реального портрета избирателя можно получить реальный срез электората на четыре го-

да вперед. С другой стороны, если анкета достаточно обширная, ее труднее передать. А в 2003 г. мы из-за погодных условий столкнулись с тем, что даже короткую информацию из Хабаровского края, было сложно собрать вовремя.

Что потом делать с полученной информацией? Как она обрабатывается, как доносится до потребителя, т.е. зрителя, слушателя, политика и т.д.? Информация нуждается в каком-то перевзвешивании. Одна из форм перевзвешивания, по крайней мере, на ранних стадиях работы Митофски в Америке, была основана на обзвоне ключевых избирательных участков и выяснении реального голосования на 8 часов вечера. Обзванивались несколько десятков, может быть, даже сотни ключевых избирательных участков, традиционно задающих тон, окраску всего голосования — в избирательном округе, в штате. В Америке есть места, где, считается — как проголосовали избиратели, так проголосует и вся страна. Это скорее шаманская социология, но тем не менее. Учитывается то, как реально прошло голосование. На основании этих данных проводится определенная процедура взвешивания, после чего руководитель экзитпола дает отмашку на то, чтобы эти projections, как они называются, шли в эфир. Это определенный аналитический продукт, который дается на обозрение общественности.

Наконец, последнее. Согласно общепринятым нормам, до окончания голосования в стране данные не могут ни в какой форме появляться в средствах массовой информации — будь то обрывочные результаты реального голосования или результаты экзитпола. Несмотря на это, время от времени происходит утечка, информация становится доступна общественности и влияет на поведение избирателей. Но она еще не есть финальный аналитический продукт — это некое сырье, полупродукт.

В заключение подчеркну, что экзитпол — не только инструмент контроля "демократической общественности" над тем, как проходят выборы и подсчитываются голоса. Это орудие может использоваться для одобрения, легитимизации не вполне правильно проведенного избирательного процесса и подсчета голосов, и тогда социологи становятся невольными соучастниками нечестных выборов.

Б.И. Бектурганова (Ассоциация социологов и политологов АСИП Казахстана)

Экзитпол — эффективный инструмент, когда он правильно используется. В противном случае возникают проблемы методологического плана, причем не всегда в чистом виде. Подчас на построение выборки, на точность прогноза влияют политические, информационные и другие факторы. Что касается Казахстана, то у нас абсолютно бесполезна предсказательная функция экзитполов. По сути, и предсказывать нечего. Народ идет голосовать, заранее зная, кто будет победителем на президентских или парламентских выборах.

Поэтому основная функциональная нагрузка, которая ложится на экзитпол, — это контроль за подсчетом голосов. С помощью цифр и фактов мы должны показать, была ли фальсификация в работе счетных комиссий, оставались ли они в пределах, очерченных нормами национального законодательства, и в какой степени.

На нашу беду, власть тоже начала понимать, что экзитпол оказывает более весомое воздействие на политическую оценку выборов, чем обычный опрос общественного мнения, который проводится по почте, по телефону или на улицах. Результаты экзитпола имеют своего рода эффект вердикта, что гораздо серьезнее, чем эмоциональные утверждения правозащитников и наблюдателей о многочисленных нарушениях выборного законодательства, допущенных со стороны счетных комиссий.

Соответственно, реакция власти на экзитполы становятся тоньше и умнее. Например, на парламентских выборах 2004 г. мы столкнулись с новым для республики явлением, когда сразу несколько структур вышли на экзитпол. Я на собственном опыте убедилась в правдивости утверждения, что когда очень много опросов, налицо социологическое загрязнение поля. Буквально накануне выборов появились некие социологические службы, заявившие, что будут проводить экзитпол. Оказалось, что часть из них создана при наших муниципальных органах власти. Причем они так же внезапно, как появились, так и исчезли после проведения выборов. Думаю, их единственной задачей было подтвердить точность официальных итогов выборов и оспорить результаты экзитпола, полученные АСиП.

В последнее время партии начали заказывать экзитполы и использовать их результаты в качестве инструмента для политической борьбы. Не обходится и без политических спекуляций. Это, конечно, дискредитирует эффективность самого инструмента, но такова реальность, и на нее нужно реагировать. Мы говорим о том, что для опросов на выходе очень важна точность выборки, обеспечение научной валидности, репрезентативности результатов и др. На самом деле все это очень важные составляющие любого вида опроса. Но, как показала практика, правильное составление выборки и неангажированность социологических структур от заказчика — это взаимосвязанные вещи. Вот пример: 2004 г., парламентские выборы, достаточно известный и авторитетный в Казахстане институт проводит экзитпол по заказу одной из оппозиционных партий, которая в тот период пользовалась популярностью среди демократически настроенных групп населения. Осознанно или неосознанно, но сотрудники этого института допустили деформацию выборки. Не исключено также, что использовалась членская сеть партии, заказавшей экзитпол. На основании предварительных замеров в тех округах, где электоральные рейтинги партии были сравнительно высокими, были охвачены до 90% избирательных участков. В тех же округах, где предварительные рейтинги партии были достаточно низкими, в выборку были включены менее 30% избирательных участков. Особой популярностью эта партия пользовалась в Алма-Ате, где опросом были охвачены до 90% участков в большинстве округов. В итоге получилось, что в составе выборочной совокупности практически каждый второй опрошенный избиратель оказался алмаатинцем. Эти данные выдавались за среднюю тенденцию по республике, которая, естественно, показывала завышенный электоральный рейтинг партии, проплатившей экзитпол. Партия использовала полученные данные для того, чтобы дезавуировать власть, выборы в глазах ОБСЕ. Она шла третьей в нашем рейтинговом списке с результатом 12–16%. Не выдержав политического прессинга со стороны этой партии, Центризбирком "волевым решением" в ущерб объективности отдал ей второе место, пропустив в парламент. Вот чего можно добиться, используя экзитпол в условиях непрозрачных выборов. Но зато вопрос доверия к его результатам впервые, наверное, актуализировался в качестве проблемы именно на выборах 2004 г.

Стандартизация самой процедуры опроса на выходе далась нам нелегко. Я вспоминаю 1999 г., когда АСиП только начала внедрять эту модель. Тогда были и санкционированные прокурорские рейды, во время которых изымались массивы анкет у наших интервьюеров, стоявших на выходе, и аресты, было немало случаев, когда в полицейские машины насильно заталкивали интервьюеров и увозили их за город. Вольно или невольно нам приходилось идти на контакты с ЦИКом, правоохранительными структурами и местными администрациями. В конце концов, мы научились толерантности, научились договариваться. Но, чтобы достичь этого, мне пришлось давать не одну серию громких интервью,

пресс-конференций и т.д. Скандалы возникали и по поводу регистрационных списков, в которых отсутствовала почти половина населения избирательного возраста, а среди зарегистрированных избирателей числились несовершеннолетние дети и даже покойники. И никто не нес ответственности за такие регистрационные списки. Это был долгий переговорный процесс, нам приходилось устраивать круглые столы совместно с ЦИКом и другими администраторами выборов, вовлекать в них социологов, правозащитников, наблюдателей, депутатов парламента. В конечном итоге мы добились того, что в новый Закон о выборах были внесены поправки, которые закрепляют за нами право опрашивать на выходе.

Тем социологам, которые пойдут по нашим стопам, будет значительно легче работать. Согласно новому Закону о выборах, мы обязаны давать в публикациях по результатам экзитпола полное описание технического паспорта исследования: описание выборки, методов и технологий сбора информации, объем выборочной совокупности, источники финансирования с указанием суммы, выделяемой на проведение экзитпола. Иначе говоря, закон обязывает нас быть прозрачными. Смысл в подобных требованиях есть. Они нужны прежде всего для того, чтобы было доверие к результатам экзитпола. Но действует этот закон избирательно. За исключением АСип, ни одна из компаний, проводивших экзитпол на выборах в 2004 и 2005 гг., не выполняла требований, предъявляемых к этому виду опроса. Между тем, в практике параллельных экзитполов есть масса случаев, которые ставят под сомнение качество работы опросных сетей. Бывали и откровенные курьезы, когда интервьюерам АСип приходилось становиться информационными спонсорами для интервьюеров из конкурирующих фирм. Последние, не успевая вести самостоятельный контроль за количеством проголосовавших избирателей, опрашивали наших интервьюеров и на основании их данных фиксировали явку. Поэтому описание методов и технологий сбора информации, помимо прочего, при опубликовании результатов экзитпола очень важно. Этот вид опроса, который должен быть достаточно открыт, прозрачен, доступен и публичен.

Как бы ни был хорош процесс выборки, всегда существует предел ее ошибки. Этот фактор не столь важен, если голосование завершается убедительной победой одного из кандидатов. Но при небольших разрывах (как это произошло в штате Флорида в 2000 г., когда разница между Бушем и Гором составляла всего 202 голоса) ошибка выборки в 1–2 пункта является очень серьезной. Математическая модель, о которой сегодня говорилось, не совсем приемлема для условий Казахстана. Одна из причин — особое отношение к цифрам со стороны казахстанских властей предрежащих. У нас во власти почти все считают себя знатоками в области социологии и для них цифра, допустим, 10 тысяч или 80 тысяч опрошенных не имеет силы аргумента, чтобы оспаривать официальные результаты выборов. По мнению высокого начальства для 15 миллионного Казахстана эта цифра не репрезентативна, и точка. Бесполезно доказывать, что помимо объема есть и другие параметры, по которым контролируется репрезентативность выборки. Но когда эта цифра увеличивается в 10 раз, то это служит хорошим подспорьем для переговорного процесса с властью о важности проведения экзитполов. Мы начинали опросы от нескольких десятков тысяч и сейчас дошли до нескольких сотен тысяч проголосовавших избирателей. Самый масштабный экзитпол, который мы в своей практике провели, был на парламентских выборах 2004 г., где мы за два тура опросили около 500 тысяч избирателей. Конечно, власть развела руками, а что ей оставалось делать? Наш экзитпол поддержали девять донорских организаций. На его проведение была потрачена колоссальная сумма — свыше 100 тысяч долларов.

Только за последние два года мы обучили методикам и технологиям экзитпола по нашей модели более 5 тысяч человек. В основном мы работаем с преподавателями и студентами социологических, политологических, философских, социально-гуманитарных факультетов ведущих вузов страны, государственных и частных. Благодаря такой работе АСиП стала базой для проведения социологического практикума.

Сильно обжегшись в 1999 г., когда наших интервьюеров изгоняли, арестовывали, только что не избивали, мы стали готовиться. Разработана целая стратегия. Это и информационная кампания (работа с СМИ), и рекламная кампания, и тренинг-обучение. Мы заранее оповещаем избирателей и администраторов выборов о проведении экзитпола, ведем мастер-класс по экзитполу в вузах, издаем свои отчеты по экзитполам и широко их распространяем. В первую очередь передаем в университетские и национальные библиотеки, потом — в неправительственные организации, правительственным структурам, международным донорским организациям, посольствам, партиям, штабам поддержки, выставляем у себя на сайте. И по нашим брошюрам, отчетам сейчас обучают экзитполу на кафедрах и факультетах социологии ведущих казахстанских вузов. Это здорово дисциплинирует, заставляет быть ответственными.

Самое главное, что в результате восьми лет продвижения экзитполов мы стали узнаваемы. Выходя из пунктов голосования, люди сразу спрашивают, а где тут АСиП? Более того, нам звонят во время выборов. Я устала объяснять, что АСиП — не правозащитная организация, мы не занимаемся защитой прав. Тем не менее мне приходится звонить председателю ЦИК и говорить, чтобы навели порядок на таких-то и таких-то участках. По "узн кулак" (в переводе с казахского — "длинное ухо") информация об экзитполе передается от избирателя к избирателю. В день выборов люди звонят постоянно и требуют, чтобы мы выставляли своих интервьюеров на участки, которые не попали в нашу выборку.

Что касается разработанной нами методологии экзитпола, то она учитывает специфику Казахстана и в функциональном плане рассчитана на контроль. Мы применяем модель взвешивания. В методологическом плане при опросе на выходе используется не пошаговый отбор избирателей, а метод сплошного массива, иначе говоря, мы опрашиваем не каждого пятого или десятого, а всех проголосовавших избирателей. Таким образом, проводится независимый подсчет голосов у дверей избирательных участков. Наша модель, конечно, требует большого объема технических работ, но благодаря широкомасштабному охвату проголосовавших обеспечиваются научная валидность и репрезентативность полученных результатов.

Самой большой сложностью выборных опросов при расчетах ошибки выборки является отсутствие информации о социально-демографическом составе зарегистрированных избирателей. В Казахстане, например, такая статистика не ведется. С помощью метода сплошного массива нам удастся преодолеть эту трудность. За счет этого мы имеем возможность вести контроль за половозрастными и национальными признаками элементов выборочных и генеральных совокупностей на основании данных официальной статистики о демографическом составе взрослого населения на последнюю дату. Что касается непосредственно самого выборочного метода, то мы опираемся на кластерную выборку, используя карту нарезки избирательных округов и участков. Прошли те времена, когда кластер применялся к двухступенчатой выборке и отождествлялся с серийной выборкой. Сейчас это понятие имеет самостоятельное звучание и применяется к случаям выборки многоступенчатой.

При проведении экзитпола мы используем стандартизированную раздаточную анкету, которую респонденты заполняют самостоятельно и вкладывают в специально подготовленные папки, находящиеся у интервьюеров, что служит в глазах опрошенных подтверждением анонимности опроса. В опросном листе пять или шесть вопросов: за какую партию, за какого кандидата проголосовал, каким способом (электронным или бумажным), пол, возраст, национальность. Я считаю, что увеличивать объем анкеты за счет дополнительных вопросов, как бы они ни интересовали исследователя, просто нельзя. Это блиц-опрос в оперативном режиме времени. Для такой работы мы проводим тренинг-обучение с интервьюерами. В течение месяца отрабатываем навыки работы в скоростном режиме. Минута—две, максимум три уходят на то, чтобы представиться, предложить поучаствовать в опросе, объяснить процедуру заполнения анкеты. А сейчас нам вообще проще работать, потому что народ знает АСиП, у всех интервьюеров бейджики, на руках удостоверения сотрудников АСиП и т.д. Мы сознательно не делаем толстые анкеты, как, например, в США, на заполнение которой должно уйти не меньше 40 минут. На заполнение нашей анкеты уходит пара минут.

Разработанная нами модель позволяет решать несколько задач: 1. Учет количества проголосовавших избирателей в течение всего дня выборов от начала открытия до завершения работы избирательных участков (с 7:00 утра до 20:00 вечера). Для обеспечения полного контроля за явкой избирателей наряду с опросными листами используются листки учета тех, кто прошел мимо интервьюеров, не пожелав принять участие в опросе. Мы называем такие специально отформатированные ведомости листками учета "отказников". 2. Учет количества проголосовавших за того или иного кандидата или партию (т.е. сам экзитпол). 3. Фиксация всех случаев обращения граждан по поводу нарушения их избирательных прав в местах проведения экзитпола. Такая информация служит для нас богатейшим эмпирическим материалом для определения причин снижения электоральной явки и выпадения весомой доли избирателей, пришедших на выборы, из процесса голосования.

Безусловно, мы будем совершенствовать эту методику. Главным образом ее необходимо сделать более экономичной и в плане денежных затрат, и в плане используемых ресурсов. Но это станет возможным, когда ЦИК РК начнет вести социально-демографическую статистику зарегистрированных избирателей.

Наша модель дает величину ошибки выборки $\pm 1\%$. И это степень точности с уверенностью в 99%. Основные тенденции, которые мы выявляем с высокой степенью достоверности, отражают фактическую картину распределения результатов голосования в день выборов.

Мы справились с разного рода эксцессами, под которыми я имею в виду главным образом непонимание и недоверие со стороны власти. Идет активный переговорный процесс. Власть теперь больше, чем непопулярная в народе оппозиция, заинтересована в нашей объективной информации. Перед тем, как принимать какие-то новшества, ЦИК республики приглашает нас, чтобы вместе обсудить их достоинства и недостатки. Более того, сейчас мы не испытываем проблем с получением протоколов избирательных участковых комиссий, нам присылают их по E-mail. Нам очень нужны эти протоколы, чтобы дать сравнительный анализ данных конкретно по участкам, где проводился экзитпол.

Непосредственный адресат нашей работы — рядовые граждане страны. Мы хотим с помощью экзитполов приблизить тот день, когда они из простых подавателей мнения станут его настоящими законодателями.

С 1996 г. Фонд "Мнение" г. Ставрополя начал участвовать в проведении экзитполов в нашем регионе и ближнем зарубежье, в частности, на Украине в Крымском автономном округе. Экзитполы проводятся не часто, и строго разработанной и хорошо прописанной процедуры пока, видимо, нет. Каждая фирма делает их по-своему. Наша организация использовала две технологии. Первая — когда задается определенное количество респондентов на участке и расписано время их опроса, вторая — пошаговая, когда опрашивается, например, каждый пятый человек, вышедший с избирательного участка. Как показала практика, два этих метода прекрасно работают, и итоги, при условии соблюдения технологии, оказываются достоверными. Хочу особо отметить помощь, которую могут оказать в проведении экзитполов средства массовой информации. Сошлюсь на собственный опыт.

На выборах президента Украины теме экзитпола в СМИ отводилась немаловажная роль. За 5 дней до голосования была проведена массированная разъяснительная работа на всех центральных телеканалах Украины. Несколько раз в день показывался рекламный ролик, где объяснялось, что такое экзитпол, как должен выглядеть интервьюер, какой пакет документов он должен иметь при себе, на каком удалении от избирательного участка находиться, и самое главное, какой вопрос он задаст при выходе из избирательного участка потенциальным респондентам. Благодаря такой работе за все время проведения опроса не было никаких проблем ни с избирательными комиссиями, ни с респондентами. А вот в 2006 г., когда избиралась Верховная рада, такого предварительного этапа экзитпола не было. И сразу резко подскочило число отказов. Если на президентских выборах их число не превышало 25%, то на выборах Рады оно достигло 45%.

А.П. Вардамацкий (Лаборатория "НОВАК", Белоруссия)

В рассказах социологов разных стран о проводимых ими экзитполах ключевым, как правило, является слово "технология". Белорусские социологи, говоря об этой стандартной общемировой практике, употребляют совсем другие термины. Они говорят совсем о другом. Для них основная проблема состоит не в обеспечении корректности выборочной совокупности, случайности отбора точек опроса и правильности соблюдения шага выборки, а в обеспечении безопасности интервьюеров.

17 октября 2004 г. впервые в социологической истории Республики Беларусь был проведен общенациональный репрезентативный экзитпол.

В день выборов и республиканского референдума в 20 избирательных округах было опрошено 18,397 человек на выходе из избирательных участков. Вопрос референдума в официальной формулировке звучал так: "Разрешаете ли Вы первому президенту Республики Беларусь Лукашенко А.Г. участвовать в качестве кандидата в президенты Республики Беларусь в выборах президента и принимаете ли вы часть первую статьи 81 Конституции Республики Беларусь в следующей редакции "Президент избирается на пять лет непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании"?"

"За", по данным экзитпола, проголосовали 48,4% от всех лиц, имеющих право голоса. Явка избирателей в соответствии с данными Early Voting исследования составила 87,3%. Согласно законодательству Республики Беларусь, для положительного решения выносимого на референдум вопроса необходимо получить

50% плюс один голос от списочного состава избирателей. Таким образом, для положительного решения выносимого на референдум вопроса достаточного количества голосов набрано не было.

Обращаю внимание, что ошибка выборки экзитпола оказалась равной 1%, а не 3%, как при обычном репрезентативном социологическом исследовании с объемом выборки в полторы тысячи респондентов.

Стоит также особо подчеркнуть, что в нынешних условиях, сложившихся в Белоруссии, во время социологических опросов (в том числе экзитполов) по так называемым сенситивным (особенно острым на данный момент) вопросам часть респондентов не говорит интервьюеру правду. Речь идет о всех вопросах по рейтингу персоналий и обо всем, что касается лично Лукашенко. Действует, если говорить социологическим языком, эффект "социальной желательности", или попросту — эффект страха. Рассуждая житейски — неизвестно, кто этот знакомый интервьюер, вдруг он из проверяющих спецорганов, — обыкновенный респондент может назвать совсем другую фамилию, нежели ту, за которую он проголосовал на самом деле. В 1997–1998 гг. Лаборатория "НОВАК" изучала этот феномен в ходе соответствующих методических экспериментов. Проводился параллельный опрос по одному и тому же опроснику, но двумя разными способами — на улице и в квартире. Среди опрошенных на улице оказалось примерно на 5% меньше тех, кто выразил желание голосовать за Лукашенко. Так происходит потому, что уровень анонимности психологически воспринимается респондентом в большей степени именно на улице, а не в его квартире. Это та поправка, которую надо делать при анализе социологических опросов в Белоруссии с ее специфической социальной атмосферой. Применительно к данным экзитпола это означает, что от 48,4% нужно отнять 5%, получается 43,4% — такова истинная цифра реально ответивших "за" на вопрос референдума.

Официальная формулировка вопроса референдума — хрестоматийный пример того, как нельзя спрашивать. С точки зрения чистой комбинаторики существует четыре варианта реакции на поставленный вопрос: два "да" на первую и вторую части и два "нет" на первую и вторую части. Кроме того, первая часть вопроса несет эмоциональную нагрузку — и это сделано блестяще с учетом толерантного белорусского национального характера. "Разрешаете ли Вы..." Многие респонденты так и говорили социологам: "Пусть участвует, нехорошо запрещать человеку, он ведь спрашивает".

И, наконец, самое важное — вторая часть официальной формулировки вопроса: "Президент избирается непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании" совершенно затушевывает существо выбора, который нужно сделать человеку, и предлагаемая процедура выборов президента выглядит очень демократично.

Социологи Лаборатории "НОВАК" с мая 2003 г. по август 2004 г. ежемесячно (в рамках мониторинга общественного мнения) спрашивали респондентов: "Если на референдум будет вынесен вопрос об отмене ограничений на право занимать президентский пост одним и тем же человеком более двух раз, как Вы будете голосовать?". И здесь процентные распределения были прямо противоположными. Так, на август 2004 г. 23% опрошенных высказались "за", 52,8% — "против".

В заключение приведу фразу, которая похожа на анекдот, но на самом деле — это печальная реальность. В 2006 г. представитель МВД заявил: "Задержание интервьюеров не состоялось. Поэтому экзитпол в Республике Беларусь не проводился".

В 2006 г. мы проводили свой экзитпол. По разным выборкам работало несколько команд: ФОМ, Социологический консорциум, Украинский мониторинг. Ни к одной из компаний претензий по проведению экзитпола не было. Все было в пределах погрешности.

Мы начали подготовку за три недели до выборов. Работали на выборке 10 тысяч человек. У ФОМа выборка составляла 40 тысяч респондентов, у Международного консорциума — 25 тысяч, Украинского мониторинга — 16 тысяч 600. Одни компании использовали сплошную выборку. При выборке в 40 тысяч учитывались основные социодемографические характеристики, но в меньшей степени — населенные пункты по количеству участков. У нас точек было не меньше, чем в национальном экзитполе, вернее, во всеукраинской социологической службе. Мы делали два съема информации — в 12 и в 16 часов, другие компании — три съема: 12, 15 и 18 часов. Кто-то данные перевзвешивал, кто-то нет.

В чем особенности проведения экзитпола на Украине? У нас нет проблем, с которыми сталкивались коллеги в Белоруссии. Затруднения вызвали другие моменты. После выборов нами был инициирован так называемый "квадратный стол" в Институте социологии. Это был некий акт примирения. Мы доложили, по какой методике проводились исследования, какие получены результаты и насколько они совпали с официальными результатами. И подвели черту: события 2004 г. ушли в прошлое и теперь есть надежда на то, что мы никогда не станем инструментом в борьбе различных политических сил.

**Ю.А. Барклянский (Некоммерческое партнерство
проектно-консультативный центр "Территория роста")**

Позвольте сделать несколько замечаний. Первое касается того, можно ли использовать экзитпол как инструмент управления. Приведу пример. 2005 г., выборы в городе Ноябрьске. Проводят экзитпол две организации, от каждого кандидата своя. Результаты экзитполов дают разницу в $\pm 1\%$, и в это время представитель "Сибнефти" использует административный ресурс — привозит нефтяников с вахты и выигрывает 500 голосов. Это конкретный пример использования экзитпола для реального воздействия на результаты выборов.

Второе, по поводу ситуации в Белоруссии. У нас восемь лет назад были такие же случаи (аресты интервьюеров, приводы в милицию). К счастью, ситуация существенно улучшилась, сейчас в этом смысле стало легче. И я думаю, что и в Белоруссии тоже через несколько лет будет лучше.

По поводу выборов 11 марта. Мы работали в Омской области и совместно со ВЦИОМом участвовали в опросе. Но поскольку мы проводили аналитическую работу не только во время экзитпола, но и в ходе самой кампании, то вопрос подготовки интервьюеров не вставал. У нас было 200 подготовленных интервьюеров, из которых мы выбрали лучших и использовали во время экзитпола.

По поводу выборки. Для ВЦИОМа в этом экзитполе нужно было 100 точек. Но у нас была задача получить не только партийные данные, но и данные по одномандатным округам, поэтому мы добавили еще 100 точек. Как оказалось, увеличение количества точек в 2 раза привело к тому, что точность прогноза повысилась на 1,5% процента.

По поводу отказников. По данным экзитпола, в Омской области 27% отказались от интервью. Но прогноз остался в пределах 2%, поэтому мне кажется, ес-

ли отказников не более 25%, это не влияет на качество. Скорее на качество прогноза влияет именно сеть, организация опроса. Мы считаем, что 20% отказов — это норма, тем не менее даже 27% не привели к тому, что прогноз оказался неправильным, результаты оказались верными.

Л.В. Горяинов (Центральный исполнительный комитет "Единой России")

У "Единой России" был первый положительный опыт сотрудничества конкретного политического игрока со структурой, изучающей общественное мнение. Раньше были импровизации разного уровня. Иногда даже по ряду регионов проводились альтернативные экзитполы, причем те, кто их проводил, не знали друг о друге, но все это оказывалось на уровне какой-то не очень даже художественной самодеятельности.

Важно отметить, что данные экзитпола тем точнее, чем спокойнее общая ситуация в регионе и в стране в целом. Т.е. чем ситуация более предсказуемо развивается, тем меньше отказов, меньше рассогласование данных экзитполов с результатами выборов. Выборы на Украине будут интересным тестовым примером. Потому что, несмотря на кажущийся всплеск всяческих эмоций, обстановка на уровне обывателя царит исключительно спокойная. Возможно, люди достаточно привиты предыдущими событиями.

Далее. Существует такая вещь, как взаимогасящая ложь. Долгое время такие партии, как ЛДПР и КПРФ, обладали скрытым электоратом. Они весьма часто получали больший процент, чем показывали результаты соцопросов на выходе. Сейчас ситуация меняется, скрытые электораты уходят. Это означает, что в принципе граждане не чувствуют себя в опасности, говоря, за кого они проголосовали. Иными словами, уровень демократической защищенности, скорее всего, растет. Это важный объективный показатель.

В.Л. Римский (Фонд ИНДЕМ)

Когда собираются профессионалы, то их интерес в основном сосредотачивается вокруг конкретного социологического исследования, конкретных методик, что мы сегодня преимущественно и обсуждаем. Но что представляет собой экзитпол для граждан, в чем здесь их интерес. По данным опросов, выборы в сознании большинства (примерно 60%) — это некая легитимная процедура их взаимодействия с властью. Но как способ своего участия в формировании органов власти они эту процедуру не оценивают. Мне кажется, что эта проблема рано или поздно обязательно затронет все наши политические силы.

Почему респонденты не хотят в ответ на вопрос социологов: "Почему вы идете на выборы?" высказать такое логичное утверждение: "Поддержать свою партию"? Да ее и не надо поддерживать, это не наше дело, считают большинство россиян. Люди идут на выборы не поддержать кого-то, не поучаствовать в том, какой будет парламент. Их даже не очень волнует, кто будет избран президентом в 2008 г. Кого скажут, того и изберем, полагает население. Таким образом, с одной стороны, у граждан есть доверие к выборам как к легитимной процедуре, а с другой — они испытывают полное недоверие к выборам как к публичной процедуре формирования органов власти.

Что касается экзитпола, то он влияет не только на деятельность политических игроков, но и на граждан. И здесь, мне кажется, есть определенный ресурс, который профессиональное сообщество социологов тоже может использовать. Граждане вполне могут поддерживать экзитполы, как это происходит в Казахста-

не, рассматривать их как важную составляющую выборов. Могут даже требовать того, чтобы они проводились, могут активно принимать в них участие, соответственно, с сокращением долей отказов от ответов на экзитполах. Но как этого добиться? Во-первых, надо объяснять, что такое экзитпол, как он проводится, кто его будет проводить, как граждане могут узнать человека, который действительно собирает ответы респондентов на экзитполе, а не занимается незаконной агитацией, почему экзитпол — это не манипуляция, а нормальная легитимная процедура сбора мнений избирателей. И, на мой взгляд, экзитполы должны связываться не столько с контролем голосований на выборах, что тоже, безусловно, важно, сколько с обеспечением их легитимности. Тогда экзитполы будут поддерживать понимание людьми голосований на выборах как выполнение гражданского долга. Они будут показывать, что выборы проводятся правильно, что это — коллективная процедура, действительно позволяющая участвовать в политическом процессе. Но этого удастся достичь только при высоком уровне совпадения результатов экзитполов с результатами выборов.

Пока представления в СМИ результатов экзитполов фрагментарны, они не приводят к каким-то комментариям, обсуждениям, хотя очень интересно было бы узнать мнение политологов о социально-демографическом составе голосовавших за те или иные политические силы, о том, сохраняются ли какие-то тенденции или они существенно меняются и почему. Тогда выборы постепенно превратятся в такую публичную процедуру, которая поддерживается и политиками, и партиями, и государственными деятелями, и президентом, и гражданами. И тогда в отношении к выборам в нашем обществе будет достигнуто определенное согласие. Конечно, сделать это непросто, на мой взгляд, в пропаганде значимости экзитполов должен быть мотив, что это объединяющая нас всех процедура.

Для исключения ситуаций, когда одна политическая сила получает эксклюзивно результаты экзитполов и может влиять на деятельность избирательных комиссий, надо развивать практику, противодействующую нарушениям равенства участников выборов: заключать договоры, может быть, временные соглашения о том, что все без исключения политические силы получают результаты экзитполов, что эти результаты могут получать общественные организации, контролирующие выборы, и средства массовой информации и делать с этими данными все, что хотят. В этом случае контроль выборов будет осуществляться с помощью их открытости, когда всем известно, как изменялось число проголосовавших, каковы результаты выборов, у кого какие расхождения в экзитполах. При этом и результаты, и расхождения будут объяснены политологами и социологами. И поэтому давления на избирательные комиссии, искажений результатов выборов, может быть, не сразу, но станет меньше.

В.Б. Звоновский (Фонд социальных исследований, Самара)

В существующем законе есть некоторые ограничения, которые следовало бы отменить. Вот, скажем, ВЦИОМ опубликовал данные в 20:20, если бы он опубликовал эти данные по Самарской области, это было бы нарушением закона, потому что у нас выборы заканчиваются в 22 часа. Иначе говоря, если бы просто подняли планку окончания выборов на 20, а может на 18 часов, как это делается в некоторых американских штатах, это, во-первых, позволило бы выдавать данные экзитполов раньше, во-вторых, анализ результатов выборов экзитполов можно было бы проводить в прямом эфире, что привлекло бы дополнительное внимание общественности. И соответственно увеличило бы явку в этот день на следующих

выборах, т.е. втягивало гораздо большее количество людей в избирательный процесс.

The theme of the Round Table was dedicated to the 14 years' experience of conducting exit polls at the countries of post-Soviet area. Colleagues from Russia, Ukraine, Byelorussia and Kazakhstan exchanged their know how and problems of doing exit polls during presidential, parliamentary and regional elections of the last 14 years, starting with the first exit polls at the time of the referendum in Russia in 1993. The participants underlined the three major functions and advantages of exit polls: early predictions of elections outcomes, source of detailed analysis of structure of the electorate, and the instrument of public control for objectivity of official results of vote counting.

Н.П. Попов КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЭКЗИТПОЛОВ

Опыт США

Бурно развивавшейся после Второй мировой войны индустрии опросов общественного мнения в США был нанесен мощный удар, когда во время президентских выборов 1948 г. опросы, в том числе службы Гэллапа, накануне голосования предсказывали победу республиканцу Томасу Дьюи, а победил с разрывом в 5% кандидат демократов Гарри Труман. Газеты расторгали подписку на колонку Гэллапа, опросные центры терпели убытки, репутация всего опросного дела была подмочена. Причина ошибки лежала в том, что опросы проводились за несколько дней до выборов и именно в эти последние дни происходили серьезные сдвиги в намерениях избирателей.

После этого поражения поллстеры стали сокращать до минимума разрыв во времени между последними опросами и голосованием, пока в 1967 на выборах губернатора штата Кентукки не был проведен первый опрос избирателей непосредственно после их голосования, на выходе из избирательных участков. В 1972 г. он был проведен во время президентских выборов в масштабе всей страны. Этот вид опросов стал называться exit polls — экзитполы.

Разработал методологию опроса и провел его Уоррен Митофски, директор Центра выборов и опросов общественного мнения телекомпании CBS, который затем объединился с аналогичным центром издательства Нью-Йорк таймс, образовав CBS News/New York Times Poll. Впоследствии он был одним из создателей общенационального консорциума организаций прессы — Voter News Service (VNS), координировавшего проведение экзитполов ведущими телеканалами и агентствами, такими как CBS, ABC, NBC, CNN, Associated Press и другими. Во время президентских выборов они образовывали National Election Pool (NEP), который под руководством У. Митофски проводил национальные экзитполы.

Для проведения аналогичных опросов на выходе из избирательных участков за границей У. Митофски организовал в 1993 г. собственную компанию Mitofsky International, которая провела десятки опросов во многих странах мира.

ПОПОВ Николай Петрович — доктор социологических наук, директор по международным исследованиям ВЦИОМ.